

Краткое содержание:

Не Минцзюэ и Вэнь Цин болтают, Цзян Яньли и Лань Сичэнь размышляют о запертой комнате, а наша бесстрашная пара занимается странным музыкальным совершенствованием в горах — время для планирования!

Хороший ночной отдых, свободный от ужасов энергии обиды, с которой он так долго боролся, сделал ум Не Минцзюэ более ясным, чем он привык. Молодая целительница не просто исцелила его, она сбалансировала его ци и вернула ему мир и стабильность, которые он давно считал потерянными. Он смог даже вынести мысль о её фамилии без ярости, бурлившей в его венах, и провёл некоторое время в тихом размышлении над этим странным открытием.

Единственным выходом, который он видел в сложившейся ситуации, — это поговорить с ней.

Что ж, он поговорит с девой Цин, как только его врач перестанет возиться с ним (не)соответствующим образом. Минцзюэ позволил ему упрямить себя позавтракать и с нетипичным для себя терпением выслушал беспокойные речи о своих недавно стабилизированных меридианах. Наконец, сочтя, что сделал достаточно, глава Не отослал пожилого человека — его суетливый личный врач возмутился, но, в конце концов, удалился, правда, едва оказавшись за дверью, тотчас громко послал за молодой целительницей.

В сопровождении нескольких охранников вскоре прибыла Вэнь Цин, одетая в тёмно-коричневое платье. Её волосы были свободно собраны на затылке. Ни знаков различия, ни цветов клана Вэнь не наблюдалось, за что Минцзюэ был очень признателен.

— Глава Ордена Не, — произнесла она, вежливо кланяясь. — Я рада, что Вы проснулись.

— Я слышал о Вашем мастерстве от тех, кому я доверяю, и сам убедился в нём только прошлой ночью. И всё жё Вы принадлежите к клану Вэнь, дальняя родственница и бывшая ревниво охраняемая целительница Вэнь Жоханя. — Минцзюэ видел, как лицо девушки напрягается, но её взгляд остался непоколебимым, черта, которой он неохотно восхитился. — Зачем Вам лечить заклятого врага главы Вашего Ордена?

— Вэнь Жохань может быть главой Ордена Вэнь, но он не тот, к кому я испытываю особенно сильную привязанность, — заявила Вэнь Цин. — Я жила не в Цишане, как и моя семья. До того, как глава впал в безумие, служить ему было честью, но потом — кошмаром. Быть принуждённой к службе угрозами — немногим больше, чем быть рабом. — Она наклонила голову, забывая точку ещё одним комментарием: — Моя семья была рычагом воздействия на меня Вэнь Жоханем.

Не Минцзюэ вздохнул.

— Почему он должен быть прав во всём? — пробормотал он.

Хотя глава не назвал имени, целительница поняла, о ком он говорил, и фыркнула.

— Я обнаружила, что Вэй Усянь прав в гораздо большем, чем от него можно ожидать, — сказал она и улыбнулась.

— Это нелепо. — Не Минцзюэ откинулся на спинку кровати и, плюнув на так раздражающий его официоз, спросил: — Итак, Вэнь Цин, что ты хочешь сделать со своей жизнью?

Целительница на мгновение стала выглядеть как испуганная кошка:

— Прошу прощения?

— Орден Не в долгу перед тобой. Твоя жизнь принадлежит тебе, если ты не вернёшься на службу к Вэнь Жоханю. Что ты хочешь с этим делать?

Не Минцзюэ смотрел, как сильная, собранная женщина борется с собой. Наконец, она всё-таки сумела взять себя в руки и твёрдо кивнула.

— Я... Моё единственное желание состоит в том, чтобы моей семье, фермерам и торговцам, с которыми я выросла и которые сейчас находятся в плену, потому что их фамилия Вэнь, было позволено вернуться в свои дома. В их рядах нет заклинателей, они не более чем простые люди. Они воспитывали меня и моего брата с добротой, любовью и поддержкой. Они не заслуживают мук, которые приносит им их имя. — Целительница смотрела на Не Минцзюэ с решимостью на лице. — Вот чего я желаю.

Глава Не нахмурился, размышляя. Часть его ощетижилась при одной мысли — выпустить Вэней! — но что могла сделать кучка крестьян и земледельцев даже против одного-единственного заклинателя? Однако подобная просьба будет встречена враждебно, если с ней обратиться к главе Ордена Цзинь... Что ж, Минцзюэ обдумает это. Целительница сделала достаточно, чтобы заслужить нечто большее, чем просто немедленное освобождение, но, в данный момент, у него не было власти приказывать освободить её семью.

— Ничего для себя или твоего брата?

Вэнь Цин пожала плечами:

— Мы заклинатели, носящие имя Вэнь. Что я могу просить для нас, что будет предоставлено? Я хочу, чтобы мой брат мог жить и продолжать становиться сильнее, чтобы он нашёл своё место в мире. Хотела бы я, чтобы мне разрешили практиковать свои навыки без угрозы. — Она подняла бровь. — Это больше, чем кто-либо готов дать нам в наши дни.

— Я бы позволил, — коротко сказал глава Не. — Твои навыки не имеют себе равных. Твой брат всё ещё учится, но, без сомнения, однажды он тоже будет впечатляющим целителем. — Он ухмыльнулся её испуганному взгляду. — Я умею ценить навыки окружающих.

— Я... если Вы позволите мне подумать и обсудить это с моим братом? — спросила Вэнь Цин с облегчением, и Минцзюэ кивнул. — Спасибо, глава Ордена Не. Хотя мои приоритеты связаны с моей семьёй, которую до сих пор держат в трудовых лагерях Альянса... — Она увидела лёгкий кивок в знак согласия и постаралась извлечь из его благосклонности всё, что могла. — Если Вы сможете освободить фермеров и торговцев, которые вырастили меня и моего брата, я сделаю всё, что Вы от меня попросите! — решительно заявила она.

— Успокойся, тигрёнок, я посмотрю, что мы можем сделать. — Минцзюэ рассмеялся над её вызовом.

Вэнь Цин фыркнула, затем выпрямилась, целительская беспристрастность накрыла её, как плащ.

— Не могли бы Вы позволить мне проверить Ваши меридианы и убедиться, что всё хорошо заживает? — спросила она.

Не Минцзюэ протянул ей запястье.

— Я так и думал, что этим закончится. Мой личный врач был в недоумении от того, что ты сделала, но он был глубоко впечатлён.

Губы целительницы тронула довольная улыбка. Она прижала пальцы к меридианам головы и, закрыв глаза, сосредоточилась.

— Это... это замечательно. Ваша духовная энергия исцелилась почти в три раза быстрее, чем я рассчитывала. Как...

— Вы также можете обвинить в этом Вэй Усяня и Лань Ванцзи, — весело сказал Не Минцзюэ.
— Лань Ванцзи вчера поздно вечером сыграл какую-то песню для Вэй Усяня. Энергия от её исполнения пронеслась по всей цитадели очищающей, мирной волной.

Целительница фыркнула.

— Конечно, виноваты они. Они даже не могут понять, как контролировать свою энергию, вот и направляют её через всю цитадель. Они станут кошмаром, прежде чем, наконец, закончат Слияние.

Не Минцзюэ был бы более удивлён, если бы Вэнь Цин не знала.

— Ты скроешь это от них, — мягко проговорил он, и целительница бросила на него равнодушный взгляд:

— Я не сумасшедшая, несмотря на мою фамилию. Они разберутся сами, или глава Ордена Цзян устанет от них двоих и просто прокричит им правду в лицо.

— Совершенно верно. Итак, госпожа целительница, каков вердикт?

— Никакой напряжённой деятельности до завтра, и воздержитесь от использования своей духовной энергии, по крайней мере, ещё один полный день. — Вэнь Цин протянула ему мешочек с травами. — Добавляйте маленькую щепотку в свой чай в течение следующих нескольких дней, а затем — раз в неделю. Это поможет бороться с энергией обиды, которую Ваш дух сабли посылает в Вашу систему. — Она поколебалась, затем напряглась. — Если это произойдёт, я смогу очищать Ваши меридианы каждые четыре луны. Это даст Вам некоторую свободу.

Не Минцзюэ выглядел поражённым этим предложением.

— Когда эта война закончится, мы сможем обсудить наше дальнейшее сотрудничество, — наконец, сказал он, принимая кивок от Вэнь Цин. — Ты вернёшься позже?

— Я зайду проведать Вас после ужина.

Целительница встала, поклонилась и ушла, оставив Не Минцзюэ в крайне противоречивом состоянии.

* * *

— А-Сянь! Второй молодой господин Лань! Вы пропустили завтрак и вот-вот пропустите обед, если останетесь взаперти в этой комнате!

Цзян Яньли стояла перед дверью покоев Вэй Усяня, чувствуя себя всё более разочарованной с каждым повторяющимся стуком.

Она не могла войти, потому что один из талисманов её младшего брата удерживал двери закрытыми. К тому же, из покоев не доносилось ни звука, и это заставляло задуматься, а были ли они ещё здесь.

— Дева Цзян.

Яньли с удивлением обернулась и тут же улыбнулась:

— Ах, глава Лань, я не услышала тебя.

— Что-то не так?

Яньли взглянула на дверь, прежде чем взять себя в руки.

— А-Сянь и твой брат не вышли ни на завтрак, ни на обед, а двери покоев запечатаны. Они не отвечают, когда я их зову, и со вчерашнего вечера их никто не видел. — Девушка нахмурилась.
— Я беспокоюсь.

Глаза Лань Сичэня расширились.

— Я понимаю. — Он подошёл к двери, чувствуя, как сила талисмана готовится ему противостоять. — Ванцзи. Молодой господин Вэй. Запечатывать талисманами двери в чужом доме неприлично. — Лань Сичэнь подождал немного, гадая, услышали ли его. — Если вы не откроете эту дверь немедленно, я открою её сам.

Тишина.

Лань Сичэнь сделал шаг назад, чтобы получить необходимое пространство и, призвав духовную силу, резко распахнул двери.

Пустая комната, встретившая их, удивления не вызвала.

— А-Сянь? Второй молодой господин Лань? — Цзян Яньли прошла в просторную спальню и огляделась. — Куда они могли пойти?

— Подозреваю, что они хотели поэкспериментировать и не хотели повторения вчерашнего инцидента, — благожелательно проговорил Лань Сичэнь. — Хотя... меня сбивает с толку то, почему они не сочли нужным кому-нибудь рассказать об этом. — Он вздохнул и прикрыл глаза.
— Если они не вернутся к ночи, я отправлю за ними поисковую группу.

— Зачем им запечатывать пустую комнату? — растерянно спросила Цзян Яньли, ещё раз оглядывая неприбранную спальню.

Лань Сичэнь посмотрел на стол, заваленный бумагами, полупустыми баночками из-под туши, аккуратно вымытыми кистями и грудями пергамента с нацарапанными заметками, партитурами и явно незаконченными диаграммами. На бумагах переплелись два разных почерка, и Лань Сичэнь усмехнулся, заметив чёткие и аккуратные иероглифы своего брата, резко выделяющихся на фоне изящных каракулей, которые использовал Вэй Усянь.

— Я бы сказал, что они хотели удержать людей подальше от своих заметок, — отметил он. —

Слуги убирают комнаты в случайное время, и, если ни одного из жильцов не будет здесь, чтобы отказаться от их услуги, запечатывание комнаты может стать более лёгкой задачей, чем объяснение с кем-либо.

Яньли вздохнула, спрятала ладони в рукава и хмуро посмотрела в распахнутое окно.

— Надеюсь, они взяли с собой еду, — пробормотала она. — Полагаю, мне не стоит убирать это?
— Девушка указала на бумаги, загромождавшие приличную часть комнаты.

— Нет, было бы лучше оставить всё, как есть, — сказал Лань Сичэнь. — Я спрошу их об этом, когда они вернутся.

— Спасибо, глава Ордена Лань. — Яньли поклонилась, ещё раз оглядела комнату и вышла.

А вот Лань Сичэнь ненадолго задержался, просматривая видимые фрагменты нот и мелодий, которые он мог прочесть, не нарушая причудливой системы, в которой они располагались.

Он мог видеть обрывки нескольких мелодий Ордена Лань, которые касались вызова различных духов. Ещё несколько успокаивающих и умиротворяющих. Одну странную мелодию, которую он мог лишь смутно припомнить как связующую песню (у него никогда не было случая использовать её), и ещё несколько — их он вообще не узнал.

Они делали что-то монументальное, в масштабе, который Сичэнь никогда не считал возможным; смешивание и сопоставление песен такой силы было не для слабого сердца или слабого духа. Ну, что ж, если кто-то и осмелился замахнуться на что-то подобное, так это могли быть только они.

И Сичэнь решил, что когда они вернутся, он обязательно узнает, доступно ли ещё предыдущее предложение Ванцзи о работе консультантом.

* * *

Вэй Усянь сидел на камне в часе полёта к югу от цитадели и смотрел на Печать, что самодовольно красовалась на мешочке-цянькунь, в которой он её носил.

Более трёх часов они пытались подчинить энергию, которую несла в себе Печать, и вытянуть её, но безрезультатно.

— Давай, поработай со мной. Я пытаюсь сделать тебя лучшим инструментом, — проныл демонический заклинатель. — По крайней мере, попытайся сотрудничать! Вот Чэньцин вполне готова согласиться на то, о чём я прошу!

Печать оставалась решительно неподвижной.

— Ещё раз! – отбросив любезность, прорычал демонический заклинатель. — Работай со мной!

— Вэй Ин, проведи с «Соблазном» несколько дополнительных тактов, а затем немедленно приступай к «Очищению». — Лань Ванцзи стоял рядом, держа гуцинь наготове, и терпеливо ждал, оставляя эту часть плана Вэй Усяню.

— Хм, может быть, я их свяжу... Ещё несколько тактов «Соблазна», а затем начнём «Очищение» с третьего такта. Может быть, смешивание песен сработает лучше, чем исполнение их, одну за другой. — Он пожал плечами, поднёс Чэньцин к губам и начал мелодию.

Ноты стали мягче, почти убаюкивающими, зовущими слушателя, неумолимо влекущими его к чарующему зрелищу игры Вэй Усяня. Чернильно-чёрные трели, словно локоны, рассыпались вокруг него, маня, обещая всё и, одновременно, ничего; шелковистый зов чего-то соблазнительного и желанного. Щупальца мелодии искусно обвили вокруг Печати, лаская, приглашая, убаюкивая, заманивая в ловушку.

Это была опасная песня для исполнения.

Печать дрожала ещё несколько тактов, прежде чем сдаться, и новые щупальца чернильно-чёрной тьмы присоединились к тем, что уже кружились в воздухе.

Спокойно и непринуждённо Вэй Усянь перешёл к «Очищению» с легкостью, которая противоречила его короткой практике. И хотя Лань Ванцзи ждал сигнала присоединиться, ему потребовались целых две ноты, чтобы понять, что Вэй Усянь готов. Играя почти инстинктивно, он влился в мелодию в середине первого такта, добавляя свою силу к силе возлюбленного.

Чернильные спирали начали расползаться, ища источник музыки, призывающей к их очищению, и не находя его, потому что Чэньцин была сделана тем же мастером, из того же материала. И Печать не понимала, как могло идти против неё то, что соответствовало ей?

И по мере того, как песня звучала, из Печати выливалось всё больше и больше чернильных вихрей; больше, чем в ней, по мысли Лань Ванцзи, могло содержаться.

Ближе к концу, с лёгким подрагиванием, тьма начала исчезать.

Она не откатилась к своему источнику, не устремилась к другому объекту или человеку, а переродилась чистой энергией и вернулась в естественный цикл, снова став частью баланса жизни.

Юноши, не сговариваясь, вместе смягчили последние такты, позволили последней ноте

прозвучать на мгновение дольше, а потом Лань Ванцзи положил ладонь на струны, загасив их последние вибрации, и посмотрел на Вэй Усяня, который, опустив ослабевшие руки, едва удерживал флейту подрагивающими пальцами.

Но улыбка на его лице говорила о достигнутой ими победе.

— Это сработало, Лань Чжань, — проговорил он. — Это действительно сработало!

— Да. — Лань Ванцзи подхватил стройное тело возлюбленного, обладавшего гораздо большей силой, чем это могло показаться на первый взгляд. Мастерство, которое требовалось для перехода от песни, предназначенной привлекать энергию обиды, к песне, предназначенной для очищения от той же самой энергии, было тем, с чем, как он думал, даже его брату будет трудно справиться так же гладко, как это вышло у Вэй Усяня.

Он легко осилил такую обманчиво простую песню, как «Соблазн», растянув её ещё и на несколько дополнительных тактов, а потом не просто сменил одну песню на другую, он... связал их. Переплёл «Соблазн» с «Очищением», с песней, известной как невероятно сложная.

— Сколько раз нам придётся это делать? Я не думаю, что мы сможем повторять это чаще, чем раз в день, я не хочу, чтобы Печать сопротивлялась мне. — Вэй Усянь потянулся и поднял мешочек-цянькунь. — Сейчас всё спокойно, значит, она не поняла, что мы сделали. Но, если мы будем играть слишком часто, она обязательно заметит подвох. — Он фыркнул.

— Сколько осталось? — спросил Лань Ванцзи.

Вэй Усянь наклонил голову и обдумал вопрос, поглаживая мешочек-цянькунь:

— Трудно сказать наверняка, но всё же достаточно, чтобы разница чувствовалась ощутимо. Может быть, ещё через два-три дня я смогу сказать точнее. Если мы составим приемлемый график, нам будет легче определить день, когда мы сможем соединить все части воедино.

— Завтра. — Лань Ванцзи встал, убрал гуцинь и поправил мантию. — Если получится, мы сможем связать «Соблазн» со «Смирением» и «Покоем» перед «Очищением».

— Думаешь, это сработает? — Вэй Усянь засунул мешочек-цянькунь за пояс. — Что ж, в любом случае, попробовать стоит. — Он потёр грудь и поморщился. — До тех пор, пока обратная реакция не станет слишком сильной, всё будет в порядке.

— Вэй Ин. — Лань Ванцзи подошёл ближе, прижал руку к груди возлюбленного и нахмурился.
— Это то место, где...

— Да, то клеймо, из-за которого ты так разозлился в пещере. Сумасшедшая Линцзяо решила добавить к нему ещё немного декора. Я полагаю, что это был хороший обмен на то, чтобы

сохранить мою руку. Этот ожог также, кажется, является центром всех отрицательных реакций. - Второй нефрит надавил сильнее, пристально глядя на возлюбленного. — Эй, Лань Чжань, перестань, мне больно! — Вэй Усянь дёрнул Лань Ванцзи за неподвижное запястье. - Из-за чего весь сыр-бор? В любом случае, оно, по большей части, зажило!

— По большей части. — Тон Лань Ванцзи стал опасным.

— Ну, это след от ожога, и я больше не могу хорошо заживить его, или, ну, это было странно, если бы я смог, и поэтому оно всё ещё немного кровоточит, а теперь ты нажимаешь на него, ты, сверхзащитный идиот. — Вэй Усянь схватил возлюбленного за руку и переплёл их пальцы. — Перестань волноваться, Лань Чжань. Это заживёт, я буду в порядке. Шрамы являются частью нашей жизни. Мы не можем избежать их вечно.

— Это клеймо, Вэй Ин. Клеймо. — Лань Ванцзи закрыл глаза. — Мне... не нравится сама мысль, что тебя заклеямили.

Вэй Усянь вздохнул.

— Что ж, если мы переживём всё это испытание, я позволю тебе подкрасить шрам теми цветными чернилами из западных провинций. Любой рисунок, который ты выберешь. — Он ткнул себя в грудь, обозначив края клейма, затем обвёл более крупный овал. - Сначала здесь, а потом, где захочешь.

— Вэй Ин. — Безропотная нежность наполнила его имя. — Тебе же будет больно.

— Ну и что? Я могу достать анестетики у Вэнь Цин, а у тебя твёрдая рука. Будет круто, Лань Чжань. Кроме того, всё, что ты придумаешь, обязательно будет приятнее на вид, чем то, что есть сейчас. — Вэй Усянь прижал их сцепленные ладони к своей груди, нежно прикрывая ненавистную метку. — По крайней мере, подумай об этом, Лань Чжань.

— Если ты настаиваешь. - Золотые глаза сверкнули глубокой радостью.

Интимный момент был прерван урчанием в животе Вэй Усяня, и он залился задорным смехом.

— Ладно, Лань Чжань, думаю, пора возвращаться.

Второй Нефрит кивнул, вытянул из ножен Бичень и обнял возлюбленного за талию.

Их совместный прыжок на меч был грациозным и мягким, а потом Вэй Усянь прижался спиной к животу Лань Ванцзи и откинул голову ему на плечо.

— Мне нравится летать, — восторженно проговорил он. — Мне всегда нравилось летать.

— Я возьму тебя с собой, когда захочешь, — пообещал Второй Нефрит.

— Ты слишком хорош для меня, Лань Чжань. — Вэй Усянь усмехнулся. — Что этот бесстыдный, безрассудный идиот делает с тобой?

— Вэй Ин.

«Перестань говорить глупости», — сказал этот тон, и Вэй Усянь рассмеялся.

— Давай путешествовать по миру, Лань Чжань. Давай просто... уйдём.

— Вэй Ин. «У нас есть обязанности».

— Не сейчас, а когда-нибудь. Просто... возьмём год отпуска — и вперёд. Плевать на политику, Ордены и обязательства. Просто будем идти, помогать людям и жить.

— Вэй Ин. «Я так люблю тебя».

— Так и будет. Однажды. Обещаю.

Лань Ванци только крепче обнял Вэй Усяня, и они полетели обратно к цитадели. Лёгкая, мирная тишина заполнила пространство между ними, в конце концов, сменившись тихой болтовнёй демонического заклинателя обо всём, что приходило ему на ум, сопровождаемой тихим «Мн» от Лань Ванци.

Они добрались до цитадели, когда день перешёл в ранний вечер, влетели окно спальни Вэй Усяня и мягко приземлились на каменный пол.

— В следующий раз, когда вы захотите уйти, пожалуйста, дайте кому-нибудь знать!

<http://bllate.org/book/13203/1177330>